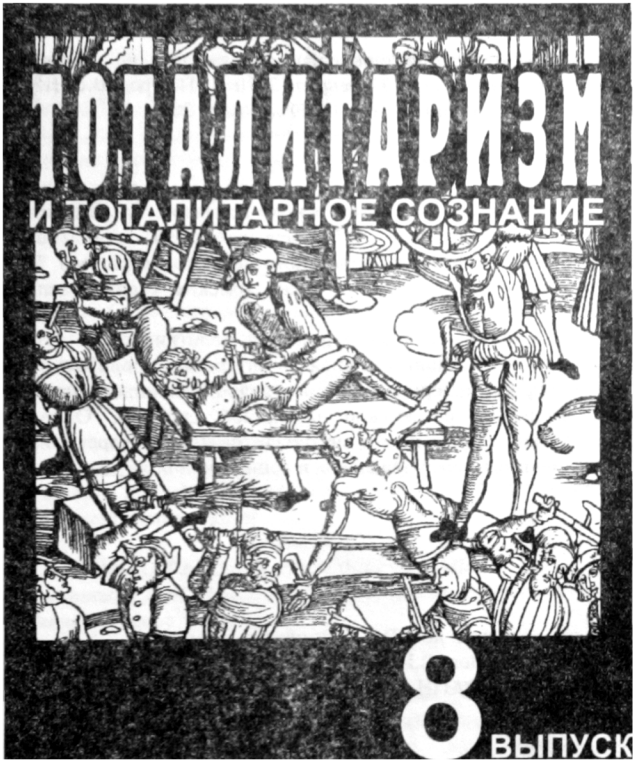

Томск 2010

2. http://www.innovationfordevelopmentreport.org/papers/ICIrankings2009_10.pdf
3. http://www.levada.ru/
4. Афанасьев В.Н. Алгоритм социально-экономического развития: Россия на волнах истории // Вестник С-ПбУ. - сер.5: Экономика. - 1994. - №3. - С. 8-16.
5. Ноздрань Н. Трансформация российской экономики как циклический процесс // Вопросы экономики. - 1996. - №10. - с.103-116.
6. Минэкономразвития ожидает, что Россия к 2012 г приблизится к общемировому показателю по доле граждан, желающих начать собственное дело – 10 процентов // Москва, 18 мая 2009, Прайм-тасс.
7. Рязанов В.Т. К вопросу о "длинных волнах" экономических реформ в России // Вестник С-ПбУ. - сер.5 Экономика. - 1992. - №2. - С.29-44.

Шутов В.С., Шутова В.А., Резчикова Л.И.

КАЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ «ПЕРЕСТРОЙКИ» К 2010 ГОДУ

В конце XX в., в первой половине 80-х гг., в СССР завершилось то, что можно назвать «сталинской» и «послесталинской», социалистической, советской модернизацией. К указанному времени жестко проявились признаки загнивания и распада системы: она была малоподвижна и отторгала новое; в ней нарастали тенденции превращения государственной бюрократии в наследственную и смыкания её с мафиозными структурами; значительные масштабы в аппарате государства приобрела коррупция. В стране наблюдался рост преступности, алкоголизма и других асоциальных проявлений. Экономика была неэффективной и не могла обеспечить советских людей самым необходимым - жильем, качественной одеждой, едой и многим другим, в том числе – правдивой информацией, доступом к мировой культуре.

Выход из положения руководство СССР (политическая элита) находило в том, что некоторые самые острые проблемы решались за счет невосполнимых ресурсов - нефти, газа, золота и т.п. В многонациональном государстве нарастали новые и обострялись старые противоречия. Все это вылилось в глубокий системный кризис, охвативший все сферы жизни общества. Жизненно важным стал вопрос обновления, модернизации, реформ. И попытка таких реформ состоялась.

Вторая половина 80-х годов – это как раз время реформ сверху, период «перестройки», которая рассматривалась реформаторами в коммунистической партии в качестве стратегии выхода из системного кризиса и которая проводилась авторитарно-бюрократическими методами. «Перестройка» провалились Снижение уровня жизни, товарный дефицит,

пустые полки магазинов, талоны на продукты «первой необходимости», гласность, вскрывшая жестокость и несправедливость системы, всколыхнули общество и стимулировали дискуссии о роли КПСС в жизни общества, о цене социалистических достижений – дискуссии как внутри самой партии, так и за её пределами.

В результате нарастания противоречий внутри элиты в течение примерно одного года (1990) КПСС раскололась на четыре сегмента (Демократическая платформа в КПСС, Большевистская платформа, Коммунистическая инициатива и Марксистская платформа), М.С. Горбачев, стремившийся к умеренным реформам и не желавший менять систему, но согласившийся с отменой 6-й статьи Конституции СССР (о монополии КПСС на руководство страной), утратил поддержку всех четырёх указанных сегментов, а Б.Н. Ельцин сдвинулся на антикоммунистические, либеральные позиции.

В конечном итоге за очень короткое время Советский Союз распался, прежде всего, в результате раскола в рядах правящей элиты, коммунистической партии. СССР держался именно на партийно-государственных структурах, поэтому их неспособность к приспособлению к изменяющейся окружающей среде и их разрушение привели к катастрофическим последствиям. На протяжении осени 1991 г. на территории бывшего СССР возникло полтора десятка суверенных государств. «Советский Союз, имея самую современную космонавтику и производя отличное оружие, закончился из-за того, что всё остальное загнивало, и в конце концов обрушило страну» [4].

Уроки «перестройки» показывают, что либерализация привела к конфликтам между появившимися в обществе альтернативными мнениями и настроениями, а также к конфликту между сторонниками старого режима и оппозицией, которые не нашли путей компромисса, что и привело к распаду советской системы. Советская элита оказалась неспособной к необходимым качественным изменениям в технологической сфере, в способах организации производства, развития человеческого производительного потенциала, инфраструктуры и роста инноваций.

Произошла ли демократизация в период «перестройки»? Приходится признать: нет, к сожалению, не произошла. Для успешной демократизации общества нужно, чтобы в стране сложились определённые предпосылки – экономические, социальные, политические, культурно-психологические. Таких достаточно зрелых предпосылок в «перестроечной» советской стране не было, да и в РФ к настоящему времени они, на наш взгляд, не сложились.

В «перестройке» обнаружился все тот же феномен модернизации сверху. В проведении реформ доминировали исключительно государственные институты, а негосударственные практически отсутствовали.

Если говорить о психологии, то, по мнению В.Б. Пастухова, «перестройка была "великой консьюмеристской революцией". Пока меньшинство боролось за демократию, большинство ждало товаров, хороших и разных. И оказалось обмануто в своих ожиданиях, после чего восстало по-настоящему. Спустя двадцать лет после начала реформы новая всероссийская "деревня взяла реванш над городом" [12, с. 127]. «Спустя двадцать лет» означает, если отсчитывать от конца перестройки, - в 2010 г.

Большое значение для успешной модернизации имеет наличие двух факторов: во-первых, готовности общества к глубоким политическим реформам, которые ограничили бы власть бюрократии и установили четкие правовые рамки (правила) игры для основных участников политического общения; во-вторых, желания и способности наиболее развитых стран оказать необходимую материальную и политическую поддержку модернизирующемуся обществу. В советский период таких факторов не было (нет и сейчас). Конституции СССР носили мнимый характер, не имелось гарантий их соблюдения, власть номенклатуры не ограничивалась законами и не контролировалась обществом.

В отношениях с развитыми странами, в частности, с руководством Германии и США М.С. Горбачев, как и во внутренних проблемах, не исходил из реального анализа обстановки и намерений политических контрагентов, которые идеологически и геополитически были заинтересованы в устранении СССР как великой державы и низведении её к статусу зависимой от Запада второразрядной или даже третьеразрядной страны, поставляющей необходимые сырьевые и человеческие ресурсы, необходимые для нормального функционирования рыночной экономики Америки и Европы.

В 1989 г. президент Буш обещал Горбачеву в качестве платы за согласие на объединение Германии под эгидой НАТО доступ к новейшим западным технологиям, членство в ВТО, нераспространение НАТО на Восток. Горбачёву, кроме того, обещали за согласие с предложениями Запада «огромный поток денег в страну, беспрецедентные инвестиции». Горбачёв согласился, СССР менее чем за год после этого распался, а Запад ни одного своего обещания не выполнил. Как пишет С.Л. Удовик: «Даже американские эксперты не ожидали такого эффекта. Они признают, что СССР даже после гонки вооружений был в 1990 г. экономически и политически очень сильной страной, второй после США. Быстрый крах объясняется только одной причиной – произошло психологическое поражение страны, которая потеряла стержень. Проиграла элита, нацеленная в прошлое и живущая прошлым, не способная мыслить стратегически и комплексно» [17, с. 274].

С момента возникновения РФ в 1991 г. перед её «обновлённой» элитой встала задача не только удержать страну от окончательного краха,

не только стабилизировать положение, но и вырабатывать и корректировать пути в будущее, определять и решать задачи политического, экономического социального и духовного обновления страны с учетом меняющихся вызовов современного мира и реальных интересов российских граждан.

С 1991 г. прошло около 20 лет. Все эти годы настоятельная необходимость модернизационных перемен не только не уменьшалась – к 2010 г она обострилась чрезвычайно. Как указывают компетентные специалисты, «запас прочности у нашего общества сильно подорван катаклизмами последних 20 лет» [4]. Нынешний мировой финансовый кризис резко подчеркнул слабости российского общества, российского политического класса. В результате произошла «резкая активизация дискурса о необходимости скорейшей модернизации российской экономики и общества в целом» [3, с. 105]. В ходе этого дискурса обсуждаются возможности, формы и пути модернизации, проблемы субъекта модернизации, степень соответствия сформировавшегося в РФ политического режима и административной элиты задачам модернизационных сдвигов.

Но и до настоящего времени обсуждались проблемы российской модернизации. Даже беглый анализ предшествующих обсуждений проблем модернизации в постперестроечной России позволяет выделить три основных подхода: экономико-технологический, институциональный и социокультурный [14]. Мы сосредоточимся на двух – экономико-технологическом и институциональном подходах.

В рамках экономико-технологического подхода подчеркивается роль изменений в технологической и организационно-производственной сферах, развития производительного потенциала человека, а также инфраструктуры и инноваций, которые влекут качественные позитивные изменения в других сферах жизни общества. Препятствием для такой модернизации может служить только властно-распорядительная система, не способная к органичному усвоению инноваций, к властной мобилизации и распределению ресурсов [2; 5; 10; 16; 18]. И премьер Путин, и президент Медведев дружно подчеркивают неспособность нынешнего государственного аппарата быть инициатором и исполнителем различных реформ. Этот аппарат по словам Путина "является в значительной степени забюрократизированной, коррумпированной системой, не мотивированной на позитивные изменения, тем более на динамичное развитие" [13].

Н.А. Гульбинский, например, указывает на прискорбную неспособность управляющей элиты сохранить и развить инфраструктуру: «Все последние годы инфраструктура деградирует, а ведь это важнейший фактор конкурентоспособности страны в целом. У нас в конце 1990-х годов было примерно 1320 региональных аэропортов, а сейчас – около 300.

... У нас распадается единое экономическое, и что еще важнее, - культурное пространство». [7, с. 117].

В рамках институционального подхода модернизация рассматривается как взаимное влияние и взаимодействие социальных и политических институтов, в результате чего возникает новое качественное состояние общества и политической системы. Препятствием для такой модернизации является отсутствие полноценных социальных институтов и/или их возможности влиять на политические институты, а также отсутствие или слабость демократических институтов, опосредующих общество и государственные структуры [1]. В государственной машине, как пишут В. Сергеев и Н.И. Бирюков, традиционно слились функции трех базисных метаинститутов – парламента (законодательство), науки (инновации) и финансовой системы (распределение), что и порождает стагнацию и коррупцию [16, с. 57].

Вероятно, не случайно, что в формуле «четырех 'И': институты, инфраструктура, инновации, инвестиции», сформулированной Д. А. Медведевым, российские лидеры, по крайней мере словесно, на первое место ставят институты. В то же время, как отмечает ряд аналитиков, «последние инициативы власти по переформатированию политической системы России, по созданию новых политических объединений, аффилированных властью («Справедливая Россия», «Правое дело»), фактически преследуют цель элиминировать институт оппозиции как контрагента политического конфликта... это лишает властные структуры объективно и непредвзято оценить проблемы, стоящие перед страной, и способы их решения. Количество неадекватных решений в этих случаях обычно резко возрастает» [3, с. 108].

Обращает на себя внимание крайне негативная оценка президентом Д.А. Медведевым российского государственного аппарата. В Послании Федеральному Собранию в 2008 г. он подчеркнул, что «...государственный аппарат у нас в стране – это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ. Такая система – абсолютно неэффективна и создает только одно – коррупцию. Она порождает массовый правовой нигилизм, она вступает в противоречие с Конституцией, тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии» [11]. Интересно, какова заслуга в создании такого аппарата бывшего президента, а ныне председателя правительства РФ В.В. Путина?

Эта оценка Д.А. Медведева – очередное свидетельство того давно очевидного, факта, что свободного, в рамках права, предпринимательства в РФ нет (нет нормального рынка), что свобода масс-медиа эфемерна, что независимого суда не существует, что с политическими партиями правящая элита не считается, а партии не отражают интересы населения, что многопартийность в РФ - лишь ширма для всевластия

государственного аппарата, и что народ - никакой не носитель суверенитета, а приниженный объект чиновничьего произвола.

Все это вызывает тревогу, сможет ли общество поддерживать и инициировать «снизу» модернизационные проекты. «Что же касается институтов и структур гражданского общества, включая партийно-политическую инфраструктуру, то её нынешнее состояние весьма далеко от того, чтобы стать полноценным субъектом преобразований», - пишет А.В. Глухова [3, с. 108.] Е. Гонтмахер, вслед за президентом, считает, что экономически модернизировать такую большую страну, как Россия, можно, только развивая институты, честную справедливую конкурентность в экономике и политической жизни. Огромная роль Гонтмахером отводится защищенности частной и интеллектуальной собственности, неподкупному чиновничеству, независимому суду, свободным СМИ [4].

Таким образом, чтобы резко увеличить темпы экономического роста, расчистить путь для инноваций, нужно снять с различных сфер жизни общества кандалы чиновничьего произвола и некомпетентности и открыть родники творчества и предприимчивости, а это без демократизации, без политической модернизации невозможно.

Между тем, по оценкам большинства отечественных и зарубежных политологов, как пишет А.В. Глухова, «российский политический режим приобретает отчетливые авторитарно-бюрократические черты, а именно: закрытый характер, исключающий возможность реального политического участия для широких слоев населения, наличие дифференцированной, но не консолидированной элиты». И это при всем при том, что задача глубоких и масштабных изменений «требуют внутриэлитной консолидации, консенсуса в правящей элите относительно путей, способов и механизмов дальнейшей трансформации» [3, с. 108, 109.] «У элиты, несмотря на её видимую консолидацию вокруг Путина, нет ни согласия в отношении будущего, ни предпочтительных политических целей», - подчеркивали в 2007 г. Л. Гудков и Б. Дубин. [6] В центре и на региональном уровне у элиты нет нацеленности на модернизацию. При этом регионы полностью зависимы от центра. Как считает А. Чирикова, модернизация на региональном уровне может быть осуществлена только по приказу сверху [20, с. 112].

Мы считаем, что проблема возможной элитной консолидации и возможного консенсуса относительно необходимости, темпов, путей и способов модернизации, её движущих сил, завязана, прежде всего на качестве нашей элиты. То что эта элита обходится обществу недешево, не вызывает ни у кого сомнений. Наша элита – очень «дорогая» элита. Страна тратит на содержание государственной машины в треть своих бюджетных расходов, а это почти 10% ВВП [8, с. 64].

Каковы же политические, организационные и прочие качества нашей «дорогой» элиты, каковы принципы её отбора, каков её инновационный потенциал и морально-этический облик, насколько ей близки интересы россиян? Шестопал Е.Б. подчеркивает, что «в сознании представителей политического класса в ситуации кризиса не изменилось главное. Они и сейчас, как и раньше видят население только лишь в качестве объекта их воздействия, но не в качестве самостоятельного участника антикризисных мер» [21, с. 101]. При этом «... качество нашей политической управленческой элиты не позволяет нам рассчитывать на быстрое изменение ситуации. А для того, чтобы это качество изменилось, есть только один рецепт: «новая кровь». Решительное обновление политической элиты, поиск нового кадрового резерва, чем верховная власть, в общем-то, вроде бы озаботилась, но каких-либо эффективных решений на этом поприще пока не видно» [22, с. 127]. «В подборе управленческих кадров, пишет А.В. Глухова, отсутствует даже намек на меритократический принцип, что делает их эффективность весьма сомнительной. Некомпетентность кадров компенсируется постоянными реорганизациями,... а также систематическими правками законодательства (налогового кодекса, избирательного законодательства и т.д.), усиливающими его запретительный характер. Бурная «бумаготворческая» деятельность выступает лишь имитацией эффективного государственного управления» [3, с. 107-108].

А.С. Салуцкий пишет, подчеркивая нежелание элиты заниматься развитием и инновациями: «... Изменилась ли наша элита. Впечатление, что у нас все то же, а главное - все те же. Это - самое ужасное. В произвольно взятых четырех-пяти выступлениях Кудрина за 2003, 2004, 2005 гг. рефреном: "ни копейки на развитие", завод строить – это сплошные убытки", "ни копейки на развитие реальной экономики", "ни в коем случае не субсидировать", ни нанотехнологии, ничего. Так вот даже Кудрин и тот сохранился, как ни в чем не бывало... Получилось, что определенная когорта людей плавно перетекла из коммунизма в 1990-е годы, из 1990-х годов в 2000-е, а затем из процветания в кризис. Наша элита по крупному счету, никакого ущерба не претерпела, с ней ничего не произошло» [15, с. 112].

П.А. Федосов указывает на непрофессионализм и клановую разобщенность элиты: «...Вся вертикаль принятия решений (в которой основные блоки разбиты на крупные агрегации, отданные людям из своего клана) пытается удержать ситуацию с помощью «ручного управления»... Но шансы на успех «ручного управления» не очень велики. Трудно представить себе, что поколение менеджеров-везунчиков, к услугам которых был нарастающий поток нефте- и газодолларов, быстро превратится в поколение успешных кризис-менеджеров. Казалось бы, нужно заменить этот корпус управленцев людьми, имеющими опыт

работы в кризисных условиях. Но подбор кадров по принципу «свой-чужой» в основном сохраняется. Крупнейшие блоки и системы, образующие экономику, отдаются в управление или сохраняются под управлением непрофессионалов» [19, с. 110].

Н.А. Гульбинский подчеркивает, приводя конкретные факты, беспомощность элиты, её эгоизм, антипатриотизм, клептократизм и коррумпированность: «...Российское государство несостоятельно, не может себя «прокормить» без сверхвысоких цен на нефть, газ, металлы и другие продукты российского экспорта... **Не только развитие высоких технологий, но даже самые простые задачи оказываются для нашей элиты нерешаемыми.** Так, было личное поручение президента Путина правительству построить 15 высокотехнологичных медицинских центров. Были выделены на это громадные бюджетные деньги. И что же? За все время введен только один центр... Даже вполне лояльные депутаты от «Единой России» называли эту затею «Панамой» и «аферой века». Мы за восемь последних лет так и не построили детский онкологический центр, но зато нет такого «райского уголка» на планете, где бы ни красовались дворцы российских миллиардеров.... Другой пример – дороги. Года четыре назад В.В. Путин на встрече с депутатами «Единой России» сказал: чем больше мы выделяем денег на строительство дорог, тем больше их воруют. С тех пор финансирование дорожного строительства возросло в пять раз, а протяженность ежегодно вводимых дорог уменьшилась... Наша «элита» удивительно неамбициозна в плане общественного служения. Но зато в плане личного обогащения она уже реализовала самые немыслимые амбиции... По личной инициативе президента Путина Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства получил 250 млрд. рублей бюджетных денег для проведения капитального ремонта жилого фонда и переселения граждан из аварийного жилья. Глава этого фонда г-н Цыцин выписал себе «бонус» в размере 500 тысяч долларов за свой непосильный труд – это средняя зарплата по России за 100 лет. ... Но в других госкорпорациях получают еще больше! ...Некоторые деятели, главным образом из финансового блока правительства, являются, скорее не российскими политиками, а частью мировой финансовой олигархии и для них интересы сохранения мировой финансовой «архитектуры» в её нынешнем виде важнее, чем собственно интересы России... Сегодня единственная надежда этой «элиты» состоит в том, что финансовый кризис на Западе будет как-то преодолен, что «вечный двигатель», основанный на опережающем, по сравнению с ВВП, ростом ценных бумаг заработает вновь, что цены на нефть пойдут вверх, что опять появятся дешевые кредиты на внешних рынках, что вновь возрастет капитализация российских кампаний – и тогда все вернется на круги своя. При таком качестве «элиты» надежды на преодоление кризиса и выход на траекторию устойчивого развития абсолютно иллюзорны Но другой «элиты» у нас

нет. И не предвидится. Ибо и про нынешнюю правящую «элиту», и про оппозиционную ей «Другую Россию» следует сказать: «они обе хуже» [7, с. 116, 117, 118].

С.В. Кобзева, Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев, Д.М. Качков подчеркивают неспособность элиты справиться с демографической ситуацией, а эта проблема в долгосрочной перспективе может оказаться решающей для судьбы России. [9, с. 135.]

Таким образом, следует согласиться с А.В. Глуховой, которая считает, что «в рамках нынешнего режима и построенной В. Путиным вертикали власти отсутствует собственно субъект инновационных преобразований» [3, с. 108]. «Основным тормозом на пути развития страны все чаще признается российское чиновничество, численность которого в период с 1991 по 2007 гг. возросла почти вдвое – с 950 тыс. до 1,75 млн. чел. [3, с. 107].

Подводя итоги, можно сказать, что в России одним из основных препятствий для модернизации было и остается качество административной элиты, в том числе неспособность и отсутствие воли у политического руководства решать проблему повышения качества элиты.

Между тем, всей полнотой власти в стране обладают двое – президент Д.А. Медведев и председатель правительства РФ В.В. Путин. (Вот она, российская демократия! А где наш парламент? А где наш суд?) Е. Гонтмахер подчеркивает, что сейчас люди или боятся, или не верят в успешное будущее России. Но если Медведев и Путин запустят процесс демократической системной модернизации (процесс такой модернизации, по мнению Гонтмахера, должен стартовать через сугубо авторитарные рычаги), то значительная доля современной политической и бизнес-элиты, начнёт её поддерживать: сначала это будет 5-10% населения, а потом, по мере успешного продвижения по пути обновления, её поддержит очевидное большинство россиян [4].

Позавидуем оптимизму уважаемого Гонтмахера, однако, на наш взгляд, без качественного изменения психологии большинства представителей высших эшелонов политической элиты, без глубокой, всесторонней реформы механизмов рекрутирования и демократического контроля политической и административных элит модернизация обречена, как это случилось с горбачёвской «перестройкой». Та административная реформа, которую проводили и проводят до сих пор Путин и Медведев, к сожалению, носит скорее косметический или виртуальный характер и не способна качественно изменить ситуацию. Поэтому трудно ожидать в ближайшие годы успехов на пути модернизации.

Литература

1. Акчасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество //Полис. 2001. № 5. С. 83-87.
2. Васильчук Ю.А. Эпоха НТР: новые способы массового производства и общество //Полис. 1996. № 2. С. 5-27.
3. Глухова А.В. «Российское общество перед модернизационным вызовом (конфликтологический аспект) // Полис. 2009. № 6. С. 105-118.
4. Гонтмахер Е. Модернизация: Промежуточные ответы. //Ведомости, 17.02.2010. № 28 (2546).
5. Гордон Л.А. Развилки и ловушки переходного периода //Полис. 1994. № 4. С. 78-87.
6. Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли "элиты" //Pro et Contra, 2007. № 3 (37).
7. Гульбинский Н.А. Они обе хуже. /Кризис в зеркале политической психологии. Материалы круглого стола факультета политологии МГУ //Полис. 2009. № 5. С. 115-118.
8. Иноземцев В.Л. Призыв к порядку //Свободная мысль, 2008. № 10.
9. Кобзева С.В., Халтурина Д.А., Коротаев А.В., Качков Д.М. Имидж России в мире: количественный и качественный анализ //Полис. 2009. № 5. С. 128-140.
10. Лисюткина Л.Л. Постиндустриализм и посттоталитаризм (проблемы переходного периода на Западе и Востоке //Полис. 1991. № 5. С. 87-98.
11. Послание президента РФ Д.А. Медведева федеральному собранию, 2008. Hhtp: //www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63374type63381type82634_208749.shtml.
12. Пастухов В.Б. Медведев и Путин: двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте. //Полис. 2009. № 6. С. 119-139.
13. Путин В.В. Жить по-человечески // Российская газета, 2 сентября 2008 г.
14. Садиев Р.Б. Политическая модернизация постперестроечной России (по материалам журнала «Полис» //Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып.7. – Томск: ТРОУ «Комиссия по правам человека в Томской области», 2006. С. 96 - 100.
15. Салуцкий А.С. У нас все то же и все те же, а это самое ужасное /Кризис в зеркале политической психологии. Материалы круглого стола факультета политологии МГУ //Полис. 2009. № 5. С. 111-112.
16. Сергеев В.М., Бирюков Н.И. В чем секрет «современного» общества //Полис. – 1998. - № 2. – С. 52-63.
17. Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2002. – 480 с.

18.Умов В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ //Полис. 1992. № 2. С. 51-64.
19.Федосов П.А. Об эволюции настроений верхнего эшелона элит. / Кризис в зеркале политической психологии. Материалы круглого стола факультета политологии МГУ //Полис. 2009. № 5. С. 109-111.
20.Чирикова А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен. //Полис. 2008. № 6. С. 99-112.
21.Шестопал Е.Б. К постановке проблемы. /Кризис в зеркале политической психологии. Материалы круглого стола факультета политологии МГУ //Полис. 2009. № 5. С. 99-102.
22.Шестопал Е.Б. В качестве заключения. //Кризис в зеркале политической психологии. Материалы круглого стола факультета политологии МГУ //Полис. 2009. № 5. С. 126-127.

Раздел IV.
МИР ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ЧЕРТЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Григорьева Е.Б.

ОППОЗИЦИИ В РОССИИ БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ?

В современной политической науке очень сложно найти положения, которые претендовали бы на статус едва ли не аксиом. Одним из редких исключений является положение о том, что оппозиция есть атрибут демократической политической системы. Никем не ставится под сомнение тот факт, что только обретение оппозицией статуса влиятельной политической силы, способной оказывать реальное воздействие на власть и позволяет классифицировать данную систему как действительно демократическую.

Рассмотрение политической оппозиции как важного элемента демократической политической системы, от успешности выполнения своих функций и ролей во многом зависит целостность и функциональность самой системы. Степень её влиятельности определяется уровнем зрелости группового самосознания тех субъектов, которые и пытаются артикулировать социальные недовольства и направить её в соответствующее русло.

Задача: оценка реального состояния оппозиции и определение перспектив её дальнейшей эволюции.

Термин "оппозиция" имеет ряд определений. Наиболее емкое представление дают следующие дефиниции. Оппозиция (от лат. oppositia – противопоставление) – способ противопоставления одних политических взглядов, идей, действий, другим политическим взглядам и действиям. Оппозиция - это часть общества, ведущая политику противостояния